

УДК 94.47(47)«16»
ББК 63.3(2)45-37

Т.А. ИСАЧЕНКО

МОСКОВИЯ XVII ВЕКА — «БЛАГОЧЕСТИВОЕ ЦАРСТВО ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН»

Предмет рассмотрения статьи — концепция Лигарида о «всецарствии» и реакция на нее со стороны русских ортодоксов. Во второй половине XVII века в Москву наряду с перенесением в Россию величайших образов Святой Земли, связанных с земной жизнью Спасителя, переносятся реликвии христианского Востока. Московская Русь укрепляет свои позиции, ей отныне отведена роль благочестивого Царства последних времен. Решающим моментом в созревании замысла о Новом Иерусалиме церковные историки признают появление в русском переводе «Скрижали» (1656). Греческий текст книги был подарен Патриарху иерусалимским патриархом Паисием Лигаридом, которому суждено было сыграть главную роль в его осуждении.

Ключевые слова: царство, время, концепция, образ, Святая Земля, христианский Восток, Спаситель, святыня, реликвия, Боден, ортодоксия, Церковь, история.

Второй царь дома Романовых Алексей родился 29 марта 1629 года и царствовал с 1645 года по 1676 год. Вступив на престол в шестнадцать лет, уже в семнадцать был дружен с будущим патриархом Никоном, в союзе с которым на протяжении двенадцати лет (до 1658 года) являл своему народу благочестивую двоицу, ставшую идеальным выражением государственного благоразумия. Среда и воспитание рано развили в царе Алексее религиозность, а под влиянием греков образ Нового Иерусалима завладевает его душой и становится ключевой доктриной всего XVII века.

Активная деятельность в области храмовой архитектуры, градостроения, книгоиздания, переводной и

VII

ORBIS
LITTERARUM

оригинальной книжности, особое видение мира в целом создают в этот период атмосферу религиозной возвышенности. Комплекс «подмосковной Палестины» становится в этот период своеобразной иконой Иерусалима исторического, а позднее Иерусалима Горнего, осмысленного в духе Откровения Иоанна Богослова (Откр. 21: 2). Наряду с перенесением в Россию величайших образов Святой Земли, связанных с земной жизнью Спасителя, в Москву переносят реликвии христианского Востока, что ставит Москву в один ряд с историческими центрами христианства. Московская Русь укрепляет свои позиции, ей отводится роль благочестивого Царства последних времен.

Но еще до этого события 16 апреля 1653 года Москву посетил бывший константинопольский патриарх Афанасий Пателар, на протяжении многих лет связанный с Московией. При отъезде Афанасий Пателар передал царю Алексею тетрадь, содержащую «Слово понуждаемое», в тексте которого проводится мысль о том, что русскому царю необходимо воспользоваться крайним ослаблением военного могущества Оттоманской Порты в ее борьбе с Венецией за Крит и во имя будущего восточного христианства осуществить предсказания пророчеств — отвоевать у турок Константинополь. «Русский царь должен занять престол Константина Великого, московский патриарх Никон — стать вселенским патриархом» [1, с. 29]; списки: [2, с. 368; 1, с. 29, прим. 34].

Святыни, принесенные в Москву греками, должны были оказать покровительство русскому царю (с 1652 года здесь уже пребывали мощи Григория Богослова, а с 1653 — Влахернская икона Пресвятой Богородицы [3]).

Учение о Риме, о Царстве, общее, как для западного христианства, так и для восточного, при патриархе Никоне не разделяет христианскую ойкумену, но интерпретируется в терминах соединения Вселенской (духовной) истории и истории земной. Историки архитектуры говорят о ряде «новоиерусалимских» образов в самой Москве. Прежде всего это относится к собору Василия Блаженного (Покрова Пресвятой Богородицы) на Красной площади [4, с. 47]. Каждый год, в Вербное Воскресенье к храму на бровке Москвы-реки совершался крестный ход во главе с патриархом [5].

В честь праздника и тезоименитого предела (Входа Господня в Иерусалим) храм в народе зовется Иерусалим. «Немало изумлялись московскому диву и иностранные путешественники старого времени, например XVII столетия. Они по большей части называли его Иерусалимом, говоря, что так он прозывался в то время в народе» [6]. Храм становится объектом молитвы, своеобразным алтарем Красной площади [7]. Такими же символами Нового Иерусалима в Москве были государев сад напротив Кремля, известный по живописным полотнам В.М. Васнецова, Спасская башня, высотой в стену Горнего Иерусалима — 144 локтя (Откр. 21: 12—13—17), число ворот в стенах Белого города и Скородома — по 12 в каждой [8]. В зримых архитектурных образах русских церквей, монастырей с их куполами, городов с их башнями и стенами, русским узорочьем воплощено представление о русской земле

как о Новом Иерусалиме, «обетованной земле» Царствия Небесного.

Перенесение Святой Земли в русское историческое пространство ставит Московскую Русь в положение благочестивого Царства последних времен, наполняя замысел патриарха Никона эсхатологическим содержанием. Решающим моментом в созревании этого замысла о «Новом Иерусалиме» церковные историки признают появление в русском переводе «Скрижали» (1656). Греческий текст книги был подарен патриарху иерусалимским патриархом Паисием Лигаридом в 1653 году, а через год книга уже была переведена в Москве, и Святейший Патриарх мог ее читать. Это был второй подарок русскому иерарху, первым являлась кипарисная копия храма Гроба Господня в Иерусалиме. Третьим подарком, который готовил патриарх Паисий русским властям, должен был стать *царский венец* — митра византийских императоров, освященная у Гроба Господня в Пасхальную ночь 1657 года¹ [9].

Наполненная христианскими символами «Скрижаль» вышла из печати в 1656 году. В этот же год Паисий Лигарид составляет для русского царя свой «Хрисмологийон». Сохранилось описание этой книги, которое приводит в своих записях путешествовавший по России архидиакон Павел Алеппский: «Мы добыли еще от митрополита газского <...> греческую книгу, которую он составил в разных странах из многих книг и назвал *Chrismos*, то есть Книга предсказаний <...> Содержит в себе предсказания, выбранные из пророков мудрецов и святых касательно событий на Востоке: об агарянах, Константинополе и покорении ими этого города — известия весьма изумительные, а также о будущих и имеющих совершиться событиях <...> Кто прочтет эту превосходную книгу, будет поражен изумлением перед ее пророчествами, изречениями и прочим содержанием» [10, S. 367—390; 1, с. 36, прим. 66].

Образ Иерусалима — центральный в «Хрисмологийоне» Лигарида. Сочинение принадлежит к разряду так называемой литературы пророческой (от греч. *propheteuo*, *быть пророком*). Само греческое название произведения указывает на пророчество². Составление русского перевода относят к лету 1672 — зиме 1673 года. Работы осуществлялись в Посольском приказе при активном содействии боярина Артамона Матвеева. Переводчиком этого эпохального труда был Николай Спафарий (1636—1708), ученый молдованин с греческими корнями, подвизавшийся на русской службе с 1671 года, ближайший помощник газского митрополита.

Образ *пленного* Иерусалима присутствует в начале и конце повествования. Книга представляет историческое и богословское осмысление истории в интерпретациях газского митрополита. Ключевая доминанта предисловия

¹ В.Г.Ченцова публикует подробности замысла иерусалимского Патриарха Паисия, готовившего символический обряд трансформации патриаршей митры в царский венец для передачи царю Алексею Михайловичу в 1657 г. Об этом же сообщает в «Истории Иерусалимских Патриархов» патриарх Досифей Иерусалимский (Бухарест, 1715. Т. I. С. 86, 88; цит. по: указ.соч. В.Г.Ченцовой, с. 12).

² Греч. *Chresmos* — предсказание, изречение оракул.

выражена в словах: «Сице нам подобает всегда молити Бога <...> яко паки щедротами своими неизреченными призрит на досаждённую и понуждённую церковь греческую и царство, еже стёнет под игом тиранским и неверным агарянов турков», да одолеет «воевода непобедимый <...> и всяя России самодержец прескверный род Махметов», да очистит храмы Божия от мерзости запустения и возвысит рог благочестия, подобно Константину Великому.

Автор адресует свое произведение русскому царю и во вступлении обозначает его цель: «понеже учится душа о будущих во грядущее время, аще взирает на прешедшыя времена». Русский царь представляется автору новым Константином, на которого возложена великая миссия освобождения Иерусалима и его святынь.

Содержательная сторона этого исключительно важного сочинения последних дней царя Алексея Романова Тишайшего, к сожалению, до настоящего времени никак детально не проанализирована. Обобщающий обзор всех трудов Спафария докитайского периода (1672—1677) представлен И.Н. Михайловским в публикации 1897 года [11]. Отдельные фрагменты текстов, сопровождаемые комментарием, представлены Шт.Г. Лупаном [12, с. 85—94], Н.П. Чесноковой [13] и Д.Н. Рамазановой [14, с. 178—191].

Содержание «Хрисмологиона» Лигарида-Спафария составляет концепция ВСЕЦАРСТВИЯ («панвасилиав»), дополненная и расширенная за счет собственных толкований им ветхозаветных пророчеств и представленная русскому царю в 1673 году. Вступительная часть 1-й книги («Пролегоменон») строится на размышлениях, сочетающих авторские с мыслями французского политика Жана Бодена (1529—1596), на которого ссылается автор («мудрый Боден во книзе своей «о художестве истории “излагает”», л.28 списка РГБ, Рум.465). Исходя из этимологии слова *монархия*, автор проясняет смыслы, кроющиеся в этом понятии: «*монос* елленски, сиречь един, сам и архи, се есть начало, или власть <...> И знаменует то, яко в монархии един царь < король > сам владеет без клеветета», то есть подчеркивает существующие в нем коннотаты единовластия и единоначалия («яко римское кесарево, иже ныне в немцах кесарь нарицается, несть монархия, но аристократия <...> понеже не от единого, но от многих владеется»).

Касаясь государственного устройства, формами которого со времен Аристотеля являются демократия, аристократия и монархия, автор критикует гражданские формы Аристотеля, противопоставляя им «монархию богословскую», то есть божественную, «верхнейшую в мире». «В аристократическом государстве голоса подсчитываются, но не взвешиваются на весах добродетели, а потому она неустойчива», — писал широко цитируемый автором «Хрисмологиона» Жан Боден. Николай Спафарий, излагая концепцию государственного управления, вторит ему: когда монархии распадаются или соединяются в единые царства, происходит это по воле «верхнейшего» Монарха, давшего начало всей вселен-

ной (рукопись, РГБ, Рум. № 465, л. 28 об.). Так автор выстраивает линию лучшего Правителя и лучшего Монарха, и, соответственно, образ пятой монархии, которая есть Царствие Божие.

Политическая составляющая сочинения дополнена теологической и исторической составляющими. Автор выстраивает параллель между широко цитируемой им библейской Книгой пророка Даниила и Откровением Иоанна Богослова. Излагая свою историческую доктрину, автор, а вслед за ним и переводчик, опираются на материал ветхозаветных пророчеств, пытаясь понять ход истории и выразить его закономерности доступными формами и средствами. В Книге пророка Даниила говорится о *четырех монархиях*, под которыми понимаются Халдейское, Мидийское, Персидское и Греко-Македонское царства и империя Александра Македонского. Концепция четырех монархий получила широкое распространение ко II веку до н. э., хотя она и фигурирует уже в «Истории Персии» греческого историка Ктесия, плененного персами при царе Артаксерксе II (415 — 398 до н. э.). Ктесий излагает историю, начиная с Ассирии. «Не располагая слишком большими данными о реальной истории этой державы, как это видно хотя бы из того, что ее основателем Ктесий объявляет никогда ни существовавшего в действительности царя Нуна, он рисует это царство по образцу могущественной Персидской монархии, которую наблюдал воочию. Затем Ассирийскую державу сменила ставшая столь же могущественной Мидия, а далее эстафета перешла к Персии. Таким образом, в работе Ктесия фигурировали три великие мировые державы. Когда в результате побед Александра Македонского возникла новая мировая империя, она вошла в этот список как четвертая» [15].

По мнению Ю.И. Семенова, концепция четырех монархий не получила распространения ни в Греции, ни в Египте, ибо история этих стран в ней по существу игнорировалась, «но она была подхвачена в той части бывшей державы Александра Македонского, которая оказалась под властью Селевкидов. И довольно скоро она стала идеологическим обоснованием борьбы против греко-македонского владычества. В Книге пророка Даниила, которая была создана между 168 и 165 годами до н. э., эта концепция нашла свое воплощение.

И хотя во II веке до н. э. концепция четырех монархий проникает в Рим, где она использовалась для апологетики Рима, то в последующем в ней начали находить выражение и оппозиционные Риму настроения. Рим стал в них выступать как *четвертая* монархия, на смену которой должна прийти пятая — с Востока.

Идея Москвы — Третьего Рима активно продвигалась и поддерживалась в русском обществе на протяжении всего XVI века. Опубликованные данные позволяют утверждать, что идея «Москва — Третий Рим» утверждается в русском сознании не позднее первой трети XVI века (а не в эпоху правления Ивана Грозного, как считалось ранее). Ее формулирует старец Елеазарова монастыря Филофей в ответ на *предсказания* о всемирном потопе

(не позднее 1524 года)³. «Послание» наполняет теорию старца Филофея эсхатологическим содержанием. Источником аллюзии старца Филофея стал перевод комментариев Андрея Кесарийского к XII главе Апокалипсиса, где главной метафорой является потоп (Апок. 12: 1—6, 14—15). Еще более детальной экзегезой толкования Андрея является фраза Филофея «уже два Рима падоша, третии стоит, а четвертому не бывать», которая соотносится с другим пассажем толкования Андрея Кесарийского на Апокалипсис: «[Было семь царей], пять из которых падоша, один остался, а другой еще не пришел» [17, прил., с. 45]. Андрей Критский толкует царей в смысле царств. Таким образом, из сказанного вытекает, что преподобный Филофей сознательно заимствовал апокалипсический образ потопа и выстроил свое опровержение, опираясь на традиции Священного Писания.

По тому, *какое* место занимала мысль о Новом Иерусалиме в жизни русского царя, всё должно рассматриваться сквозь призму отношения к Вселенскому православию. Образ Нового Иерусалима в каком-то смысле смыкается с теорией Рима у старца Филофея, выводя русскую религиозно-философскую мысль на единое прочтение средневековой русской истории.

Чреда искушений со стороны Запада, против которых предупреждал еще в XVI веке инок Филофей (в том числе, искушение короной, подстрекательства занять трон цезарей), повторилась в середине XVII века и в виде «не присланного русскому государю венца “царя Константина”» и в слухах о войске молдавского господаря Василия Лупы (1634—1653), «готовящегося неожиданно войти в Османскую столицу, пока армия султана борется с Венецией» [9, с. 17].

История митры-венца показательна непрекращающейся борьбой папского престола за право единоличного владения царскими регалиями византийских императоров. Так, из антилатинской полемики иерусалимского патриарха Досифея [18, стб.1745] становится ясно, что папские легаты настаивали на исключительном праве римского папы носить венец, символизирующий одновременно и венец императоров, и венец Христа (венец терновый, венец Царя Царей), ссылаясь при этом на легенду о даре «митры-короны» папе Сильвестру императором Константином. Вплоть до 1846 года, когда был восстановлен *латинский* иерусалимский патриархат [19], Рим продолжал считать ношение митры восточными патриархами незаконным «новшеством».

Как можно видеть, анализируя предисловие и содержание «Хрисмологиона» Лигарида-Спафария, этому совместному труду предназначалось быть книгой, претендующей на то, чтобы стать программой действий царя Алексея — нового Константина. Развернутая картина поступательного движения мировой истории возвышала русского самодержца до правителя Третьего Рима, преемника византийских императоров. Можно было бы предположить,

что «Хрисмологион» Николая Спафария стал книгой последних дней русского царя Алексея Романова Тишайшего. Вся история ее появления в царской библиотеке свидетельствует об этом: сочинение посвящено царю, и в первых строках этого посвящения введена уникальная «домашняя титулатура» московского царя — эпитет *тишайший* (едва ли не одна из первых ее фиксаций в языке).

Однако известно, что снабженный миниатюрами с пророчествами о царях и царствах подносной экземпляр книги⁴, был изготовлен для царя к зиме 1673 года, но в государеву библиотеку не поступил. По указу царя он был отправлен в Посольский приказ [2, с.177—200; 20, с. 57]. Труд ориентировал на изучение истории, восхвалял венценосных историографов «того ради всегда при всех человецех изряднейших, история в великой чести бе и наипаче при царях державнейших и мудрейших, инии бо сами писах истории» (рукопись РГБ, Румянц. собр., № 465, л.5). В чем же загадка действий русского царя, а скорее *противодействий* этим устремлениям?

Причин могло быть несколько. К середине 70-х годов XVII века, когда, собственно, и был изготовлен русский перевод греческой книги, изменились отношения не только между царем Алексеем и Патриархом Никоном, изменились отношения внутри Церкви. В 1674 году на патриарший престол был избран чудовской архимандрит Иоаким (Савелов). Сурово относившийся к расколу, глава Русской Церкви не жаловал и идеологических противников православия в лице католических богословов и мыслителей. Отстаивая *православный* способ мышления и верования, он дал оценку чуждым по духу течениям на ближайших Церковных Соборах начала 80-х годов.

По высказываниям старцев XVI века можно видеть, что взгляды, которые привносились в Россию западными учениями, были чрезвычайно хаотичными. Преподобный Максим Грек определил это мировоззрение как «дух пифагорейства», стремящегося напомнить о новой христианской эре, на самом же деле представляющего собой смесь арифметических и астрологических схем для устройства человеческих дел.

В основе повествовательной канвы «Хрисмологиона» лежат сюжеты Книги пророка Даниила, которая занимает особое место в ряду пророческих книг Ветхого Завета. С ней связаны пророчества о Христе и антихристе (повествование о «седемьяти седминах»), о царях, царствах и толкования на эти пророчества. В ней рассказывается об ангелах-хранителях народов, участвующих в мировой истории, и их взаимоотношениях, о смене монархий, разрушении могущественной империи, раскинувшейся на просторах современного Ирана, Ирака, Египта, Ливана, Палестины. Подлинность Книги пророка Даниила засвидетельствована словами Евангелия: «Когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет...» (Мф. 24:15—16).

³ Данное писание почти дословно воспроизведено на л.286 об. —287 сборника СПбДА № 427) [16].

⁴ РНБ, Эрмитаж. № 27.

Актуальность этой Книги для разных периодов русской истории неоднократно подчеркивалась исследователями. В XVI веке Книга пророка Даниила была включена в состав Лицевого Летописного Свода, причем в ключевых местах повествования составитель подчеркивает актуальность событий «не только в древнем Вавилоне сотворенных, но и сегодня совершаемых», описывая это следующими словами:

«Не желая взирать на высоту небесную и красоту небесную не разумея <...> Одни преклоняются перед золотом, другие перед серебром, третьи — перед медью, четвертые камень и глину почитают — все они ради этого оставляют Бога небесного, поклоняясь бездушным идолам и повинуюсь им, не могут Творца этой красоты, то есть Бога, познать и не могут спасение обрести. В этом и заключается дьявольская хитрость, не только в древнем Вавилоне сотворенная, но и сегодня совершаемая»⁵.

На всем протяжении русской истории отмечалось повышенное внимание к тексту указанных пророчеств, существовала строго очерченная линия допустимости отклонений. Авторитетными толкователями пророческих книг с самых ранних времен для всего христианского мира были Василий Великий, Григорий Богослов, Ипполит Римский, Андрей Кесарийский, Феодорит Киррский, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский. В отрывках эти толкования включены в такие известные сборники ранней эпохи славянской письменности, как «Словеса избранные» Григория Богослова (XV в.), Изборник XIII века. Историки отмечают, что повышенное внимание к толковым пророчествам обостренно повышалось и воспринималось в критические периоды русской истории, что нашло отражение, например, в знаменитом Виленском сборнике № 262, связываемом с противоудейской полемикой [21—24].

Сохранилось высказывание великого комментатора древности архиепископа Кесарии Андрея Критского, открывающее предисловие к толкованию на Откровение Иоанна Богослова осторожными словами: «Часто, когда многие <...> просили истолковать Апокалипсис Иоанна Богослова и применить видения ко временам, бывшим после него, — пишет, предваряя свой комментарий к Апокалипсису, преподобный Андрей Критский, — я откладывал взяться за то, что выше сил моих, зная, что изъяснение таинственно виденного святым и имеющего исполниться в будущее время есть дело великого и просвещенного Божественным Духом разума. И если писания древних пророков, уже многими истолкованные, еще полны незримой глубины тайн <...> то не окажется ли дерзостью, особенно со стороны лица, непричастного пророческому Духу, изъяснение того, чему не видно и конца» (курсив мой — Т.И.).

Направленность многих переводов конца XV — второй половины XVII века характеризуется «брожением

умов»⁶. Многие из переводов наполнены противоцерковными возражениями. Умозрительное богословие Руси в свое время подвергло систему хаотических нагроможденных знаний *нравственной оценке*.

В толковании Символа веры, которое также помещено в рукописном сборнике Санкт-Петербургской духовной академии, например, старец Филофей Псковский показывает и раскрывает смысл одного из самых трудных и важных предметов христианской догматики — Промысла Божия о мире вообще и отдельного человека в частности. Точка зрения старца по данному вопросу сформулирована ясно и просто: «Святымъ Духомъ всяка тварь обновляетца <...> равномошно есть Отцу и Слову, а не от звездъ сие бываетъ».

Теория старца Филофея была призвана послужить базой для национального самоопределения, оказав решающее влияние на основы академического образования в момент его зарождения (70-е годы XVII века). Письмо Филофея Псковского было включено в 1552 году в Макарьевские Великие Минеи Четьи. Впоследствии теория оформилась окончательно и начала фигурировать в исторических трудах в виде официального документа.

В системе рассуждений русских старцев ответ на вопрос «как бы спастися?» для русских долгие годы имел один-единственный ответ — «да наставит нас Дух Святыи на всяку истину, а не риторика з диалектикой». При этом для старца Филофея «внешняя мудрость» западных экзегетов, на которых в большинстве случаев ссылаются Лигарид и Спафарий, представлялась неотделимой от латинства и ложных пророчеств.

История создания «Хрисмологиона» позволяет оценить ту важную роль, которая была отведена сочинению в момент преподнесения ее русскому царю. Но дальнейшие события складывались таким образом, что интерес к «Хрисмологиону» был утрачен. В 1676 году царя Алексея Михайловича не стало. Бояре, окружавшие царя, покинули пределы Московии, отправившись в ссылку. Спафарий был откомандирован в Китай.

Знаменитыми списками «Хрисмологиона» являются: упомянутый выше Эрмитажный, № 27 (список Посольского приказа), Синодальный (список келейной библиотеки патриарха Адриана: ГИМ, Синод. собр. № 192, 1693 г.), Дворцово-Преображенский список свящ. Алексея Васильева (РГБ, Рум. № 465, 80-е гг. XVII в.), список из библиотеки боярина А.С. Матвеева (РГБ, Волод. собр., № 170, кон. XVII в.), список руки директора Печатного двора Федора Поликарпова (Владими́ро-Суздальский музей-заповедник №5636/433, 1701 г.), списки Демидовской библиотеки под № 640-642 [15, с. 27], а также монастырские списки: Чудовской 1 и Чудовской 2 (ГИМ, Увар.собр. № 1325, ок. 1692 и Чудов.собр. № 289, кон. XVII в. соответственно), Киево-Печерский (НБУВ, № 197/107), Спасо-Преображенский (Ярославский историко-художественный музей, №113/295, нач. XVIII в.) и другие [25].

⁵ Рукопись Библиотеки Российской академии наук (БАН), действующий шифр — П I Б № 76, старый шифр — 17.17. 9, л.439, Пер. с древнерусского Т.А. Исаченко.

⁶ Выражение протоиерея Г. Флоровского.

Известно и об утратах известных рукописей данного сочинения, ранее зафиксированных описаниями библиотечных собраний и архивов. Так, утраты постигли собрание Кировской областной библиотеки, сгорел в пожаре 1812 года список «Хрисмологиона» из библиотеки П.Г. Демидова [26, с. 27].

Р.С. Осень 2012 года была ознаменована архивной находкой. В процессе просмотра рукописей Национальной библиотеки Белоруссии, автором статьи был обнаружен неучтенный ранее список русской версии «Хрисмоса» Паисия Лигарида, относящийся к последней трети XVII века (по водяным знакам список совпадает с рукописью РГБ, Рум. №465). Описание Минского списка будет представлено в ближайшее время.

Список литературы

1. *Фонкич Б.Л.* Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII в.: Разные аспекты исследования. — СПб., 1994.
2. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVIII веков: Библиогр. материалы. — СПб., 1903.
3. *Чеснокова Н.П.* Описание Синайской горы 1686 г. из собрания Российского государственного архива древних актов // Россия и христианский Восток: сб. Вып. 2—3. — М.: Индрик, 2004.
4. *Кудрявцев М.В.* Пространственная композиция центра Москвы XVII в. // Архитектурное наследство. — М., 1976. — № 25; *Он же.* Москва в конце XVII века (анализ градостроительной композиции) // дис. ... канд. архитектуры. — М., 1981 (машинопись).
5. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1896—1900. Вып. III. С. 47.
6. *Забелин И.Е.* История города Москвы. — М., 1990.
7. *Бунин А.В.* История градостроительного искусства. Т. 1. — М., 1953.
8. *Алферова Г.В.* К вопросу о строительной деятельности Патриарха Никона // Архитектурное наследство. — М., 1969. — № 18.
9. *Ченцова В.Г.* Митра Паисия Иерусалимского — не присланный русскому государю венец «царя Константина» // Патриарх Никон и его время. — М., 2004.
10. *Papadopoulos-Kaerameôs A.* Ierosolumitiké Bibliothéke. IV.
11. *Михайловский И.Н.* Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677). — Киев, 1897.
12. «Хрисмологион» — взгляд из Средневековья // Николае Милеску Спафарий и проблемы культуры Молдовы / А.И. Бабай (отв.ред.). — Кишинев, 1991.
13. *Чеснокова Н.П.* Об источниках русской версии «Хрисмологиона» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2011. — № 32; *Она же.* «Хрисмологион» Паисия Лигарида в рукописных собраниях ГИМ и РНБ: предварительные замечания // Современные проблемы археографии. Сб. ст. по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25—27 мая 2010 г. — СПб., 2011.
14. *Рамазанова Д.Н.* Бухарестский список «Хрисмологиона» Паисия Лигарида. Палеографическое и кодикологическое исследование // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки». — 2010. — № 7(50)/10.
15. *Семенов Ю.И.* Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). — М.: Современные тетради, 2003.
16. Преподобные старцы Иосиф Волоцкий и Филофей Псковский в полемике о «перемене времен» (по материалам рукописных сборников Погод № 1121 и СПбДА № 427 нач. XVI — нач. XVII вв.) // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель / Материалы научно-практической конференции, посвященной 530-летию Иосифа-Волоцкого монастыря и возрождения в нем монашеской жизни. Вып II. — М., 2012.
17. *Малинин В.Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. — Киев, 1901, прил.
18. Досифей, Патриарх Иерусалимский. История Иерусалимских Патриархов. — Бухарест, 1715. Т.1.
19. Полный православный богословский энциклопедический словарь (репринт. изд.). — М., 1992. Т.2. Ст. 1745.
20. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1857. — Т.6. № 43, С. 177—200; *Белоброва О.А.* О рукописной традиции произведений Николая Спафария // Николае Милеску Спафарий и проблемы культуры Молдовы / А.И. Бабай (отв.ред.). — Кишинев, 1991.
21. *Евсеев И.Е.* Толкования на Книгу пророка Даниила в древнеславянской и старинной русской письменности // Древности. Труды Славянской комиссии Имп. Московского археографического общества. Ч.3. 1902; *Он же.* Книга пророка Даниила в переводе жидовствующих по рукописи XVI в. Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. — М., 1902; *Он же.* Книга пророка Даниила в древне-славянском переводе: введение и тексты. — М., 1905.
22. *Добрянский Ф.Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки церковно-славянских и русских. — Вильна, 1888.
23. *Архипов А.А.* Древнерусская книга пророка Даниила в переводе с древнееврейского (к истории гебраизмов в древнерусском книжном языке). — М., 1982. Ч. 1—3; *Архипов А.А.* По ту сторону Самбатина. Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X—XVI веках (Monuments of Early Russian Literature 9). — Oakland: Berkeley Slavistic Specialities, 1995.
24. *Taube M.* The Kievan Jew Zacharia and the astronomical Works of the Judaizers // Jews and Slavs. — 1995. — № 3; *Taube M., Lunt H.G.* The Slavonic Book of Esther. Text, Lexicon, Linguistic analysis, Problems of Translation. Harvard Series in Ukrainian Studies, 1998; *Taube M.* Подлинный и вымышленный Иерусалим в восточнославянских переводах с еврейского 15-го века // Jews and Slavs. — 2000. — Ed. № 7.
25. *Белоброва О.А.* О рукописной традиции произведений Николая Спафария // Николае Милеску Спафарий и проблемы культуры Молдовы / А.И. Бабай (отв.ред.). — Кишинев, 1991.
26. *Ундольский В.М.* Каталог российским книгам из библиотеки Павла Григорьевича Демидова, составленный им самим. — М., 1846.